

Культура. -1999. -Импр. -СЗ

СВОИ

Каким был Женя Евстигнеев? Он был свой.

Для меня — потому что мы прожили рядом долгую жизнь. Он, я, наши друзья — мы всегда были в работе. Чего мы только не вытворяли, чего не делали. Жили весело, широко.

Одно время наши квартиры были в одном доме. А это значит, что каждый день мы с ним общались. Очень скоро, как это часто бывает при постоянном общении двух людей, роли наши распределились. И вовсе не потому, что он был актером, а я режиссером. Я ведь тоже играл. Он взял на себя роль скептика. Во всем сомневался, везде видел подвох, ничему не верил. А я был соответственно оптимистом. Я его уговаривал, растолковывал, проводил полтинформации.

Он: ну, это все муря, я ничему этому не верю... Я: ну как же, а вот то-то и тот-то... Он: да ну, чего там... И такая разминка каждый день. Иногда, когда на меня накатывало дурное настроение, мы ненадолго менялись ролями. И он со своими покашливаниями неуверенно старался в чем-то меня убедить. Так складно у нас уже не получалось. Но потом все становилось на свои места.

Некоторое время спустя мы снова жили в одном доме. И наши упражнения стали повторяться.

Мы часто собирались, браж-

ничали, пели. Женя играл на гитаре. Сказать, что он был очень музыкален, — значит сказать мало. Он был профессионалом в музыке. Для него не было большего удовольствия, чем если где-то играет профессиональный джаз, попроситься сыграть на ударных.

Мы пели. Наши барды тогда еще мало кому были известны. Что за песни мы пели? Разные. Совсем еще молоденький тезка Жени — Евтушенко по ночам после наших встреч писал стихи, а утром звонил и читал их по телефону: «интеллигенция поет блатные песни...».

Мы показывали друг другу свои коронные номера. У Жени их было множество. Он запоминал детали поведения людей, какие-то истории, байки. Не то, чтобы он рассказывал их хорошо, но он блистательно показывал. Он продействовал удивенное. Никогда ничего не записывал в записную книжку, как записывают писатели. У него все увиденное оставалось в теле, в пластике.

Где-то Женя заметил, как пожилой интеллигентный еврей идет по мокрой улице. Потом из этого родилась походка Плейшера в известном телесериале.

Мы все время работали. Творческий процесс не останавливался для нас ни на минуту. Как-то раз мы оказались в тупиковой ситуации. Евстигнеев должен был сыграть роль прибалтеного Глухаря в пьесе «Два цвета». Для роли не хватало чего-то очень существенного. Плоско получалось: просто негодяй — и все. Как-то сидим мы, водку пьем, Женя на гитаре играет. И вот моя дочка Настя — ей тогда было года три — выходит и начинает танцевать. У нее не получается. Все не в такт. Все мимо.

Она старается — и никак. Все, — говорит Женя, — все, есть! Так родился довольно известный в свое время в Москве танец Глухаря.

Все бралось там, где лежало. Отовсюду. Это и есть творчество.

Кто-то сказал мне про Женю: вот удивительно гармоничный человек был, все у него получалось, никаких комплексов. Это не так. Он весь состоял из комплексов. Он был очень самолюбив. Терпелив. Раним. Закрыт. В театре ведь так просто все не дается. Иначе разве он так разордал бы свое сердце?..

Он был удивительно свой актер. Для коллег, для зрителей. Среди его знакомых были люди самых разных кругов, социальных слоев. Например, премножество продавцов. Раньше он любил прийти на рынок, его узнавали. Ему предлагали, скажем, купить баранью ножку получше. Он покупал. Потом сам с удовольствием ее шпиговал, готовил для друзей.

Были знакомые учителя, врачи. Но при этом он не был бесшабашно открытым, много проживал про себя, молча.

Свой он был и по актерскому складу. Он все играл узнаваемо, он видел героев так, как должен был видеть свой человек. Если он играл аристократа — значит именно таким себе наши люди аристократа и представляли.

На улице его узнавали. Смотрели на него. Он смотрел на встречных. Они были нужны друг другу.

На гастролях за границей Женя очень скоро начинал скучать. Первые дни, понятно, работа, суета, новые впечатления. А потом скучал. Идет по улице и не ощущает на себе обратной связи. Там он переставал быть своим. А ему это было нужно.

Теперь его, такого своего, нет. Значит, нет части всех нас.

Олег ЕФРЕМОВ.

● Последняя роль Е. Евстигнеева в спектакле С. Юрского «Игроки-XXI».

Фото Г. Несмачного.